

СКАЗКИ НАРОДОВ РОССИИ

Русские сказки

Сказки народов России. Том 2

Издательский дом «Городец»

2025

Русские сказки

Сказки народов России. Том 2 / Русские сказки — Издательский дом «Городец», 2025

ISBN 978-5-907982-22-2

Сказки, включённые в эту книгу, широко представляют яркую палитру народного творчества, знакомят с бытом, образом жизни и культурными особенностями народов, населяющих нашу страну, — от Сибири до Крыма, и в то же время погружают читателей в мир волшебства, где возможно всё. Необычные увлекательные сюжеты помогут юным читателям приобщиться к бесценной сокровищнице народной мудрости. В конце книги можно найти краткую этнографическую справку о каждом народе.

ISBN 978-5-907982-22-2

© Русские сказки, 2025

© Издательский дом «Городец», 2025

Содержание

Русские сказочники	8
Русские сказки	10
Глупый волк	10
Иван Бесталаный и Елена Премудрая	15
Карельские сказки	26
Как один парень царя проучил	26
Горшок киселя	29
Ненецкие сказки	32
Повелитель ветров	32
Как медведь хвост потерял	38
Коми сказки	40
Старуха Йома[4] и две девушки	40
Эрзянские сказки	44
Дуболго Пичай	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Е. Пучкова
Сказки народов России
Том 2

© Е. Пучкова, пересказ, 2025

© И. Иванов, В. Денисова, иллюстрации, 2025

© ИД «Городец», 2025

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

@ Электронная версия книги подготовлена ИД «Городец» (<https://gorodets.ru/>)

Русские сказочники

Из статьи М. К. Азадовского¹

Чернышевский, и Пушкин, и целый ряд великих художников слова чувствовали и ценили прежде всего художественную сторону сказок, их увлекательную выдумку, свободное развитие действия, сочный и яркий язык. Сказка раскрывалась перед ними главным образом как *художественное произведение* и была равноправна с другими памятниками мировой поэзии, иногда даже превосходя их.

Как ни странно, но в наши дни такое понимание всё более и более стирается. Сказка как будто вычёркивается из рядов художественных памятников и переходит в разряд памятников или даже документов этнографических. В этом отношении она разделяет судьбу и других видов так называемого народного творчества. Такой же узко-этнографический подход был к памятникам искусства изобразительного. Изделия каких-нибудь неведомых художников русских деревень или чукотских и якутских юрт интересовали только в силу своей этнографичности, и мало кто задумывался над тем, что их создал тот же творческий импульс, который вызвал к жизни картины Винчи или скульптуру Микеланджело, что они не только музейный документ, но и воплощение в своеобразных формах живой жизни и творческих устремлений художника, что они также являются художественным воплощением чувств и мыслей создавшей их среды.

Так, мы разрываем с безличной этнографией и входим в круг мастеров-художников, в круг деятелей искусств, где общая коллективная работа отмечена печатью создающих и ведущих её ярких художественных индивидуальностей.

Не мир «безличной этнографии», но – мир искусства. Так же дело обстоит и со сказкой. Какую бы роль ни играла она в этнографических изучениях, она является вместе с тем и, главным образом, художественным памятником, и её носители также являются деятелями общей художественной культуры.

Не так давно сказка была предметом яростной дискуссии. Накопилась даже некоторая литература по вопросу о педагогическом значении сказки и её роли в художественном воспитании ребёнка. Из этой сферы вопрос как-то незаметно переносился в сторону общего значения сказки. Но в этой дискуссии проблема приняла односторонний характер. При этом забывалось то, с чего как раз начинал Чернышевский. Сказка – не только детское чтение. Вернее сказать, сказка только в меньшей части является уделом детской аудитории. В основе же своей сказка предназначена для других слушателей. И создавалась и бытует она не в детской среде и не для детского уровня. Она также мало создана для детей, как не для детей «Декамерон» или «Путешествие Гулливера» и ряд других великих созданий мирового искусства. Сказка – в той же сфере, она часть общего наследия классической литературы, и вопрос о ней неотделим от

¹ Марк Константинович Азадовский (18 декабря 1888, Иркутск – 24 ноября 1954, Ленинград) – российский и советский фольклорист, литературовед и этнограф.

общего вопроса о наследии классиков. Сказка не только прошлое, но и настоящее – творческое её бытие ещё далеко не оборвалось, но является в полной мере фактом сегодняшнего дня.

Иногда раздаются голоса: да нужен ли вообще современному читателю этот мир сказочных образов и сказочной фантастики. Нужны ли и интересны все эти рассказы об Иванах-Царевичах и Василиях – купеческих сыновьях – их подвигах и удачах, кончающихся неизменной женитьбой и добыванием царства. Но так ставить вопрос – значит невероятно снижать его. При такой постановке совершенно забывается особая природа сказочной фантастики. Сказочная фантастика самым тесным образом связана с породившим её реальным миром, его потребностями и задачами, его социальными противоречиями и острой социальной борьбой. Дело не в фабуле, не в сюжетной схеме, но в художественном методе, в целостной системе образов и скрывающемся в них мировоззрении. Мир царей и королей – это только внешняя оболочка, внешняя сюжетная схема, за которой раскрывается иной мир и иное миропонимание.

[...] Вс. Иванов как-то писал, что «классическим» произведением может быть «прежде всего создание радостное и весёлое». Весёлое здесь, конечно, употреблено в том же смысле, в каком, например, Блок говорил о поэзии Пушкина: «Пушкин – весёлое имя!» Редко к чему так приложимо это красочное определение, как к сказке. Заражающая бодрость и высокая весёлость – вот основные свойства сказки. Эта бодрость коренится, несомненно, в том, что сказка тесно связана с мотивом социальной борьбы и что эти мотивы борьбы и победы определённо настраивали и слушателя, и рассказчика; в этом же коренится и сущность её художественного метода, здесь же причины той огромной распространённости и популярности, какие имеет сказка и до сих пор в определённых слоях народа, где она является любимым источником развлечения.

И как подлинное классическое наследие, сказка имеет огромное значение как элемент литературного воспитания и литературной учебной работы. На съезде крестьянских писателей Максим Горький с особенной силой настаивал на необходимости постоянного обращения к фольклору. «Я не теряю интереса к фольклору, – говорил он, – народные песни, народные сказки, народные легенды, – вообще всё народное творчество, которое, собственно, и называется фольклором, – должно быть постоянно нашим материалом».

Русские сказки

Глупый волк

ил-был волк, старый-престарый. Зубы у него сгнили, глаза слезятся и почти не видят. Тяжело ему стало жить: хоть ложись да помирай.

Пошёл как-то волк на поиски добычи. Идёт, идёт, вдруг видит – в поле жеребёнок пасётся.

Обрадовался волк и говорит:

– Жеребёнок, жеребёнок, я тебя съем!

– Где тебе, старому, съесть меня! Да у тебя и зубов-то нет.

– А вот есть зубы!

– Покажи, коли не хвастаешь!

Волк и оскалил зубы:

– Смотри!

Жеребёнок лягнул его изо всех сил прямо по зубам да и был таков.

Упал волк без сознания. Лежал, лежал, с трудом в себя пришёл. А живот от голода сводит. Делать нечего, побрёл он дальше.

Идёт лесом, навстречу ему – портной. Настроение у портного хорошее: пританцовывает, песни поёт, аршином железным помахивает.

Остановился волк посреди дороги:

– Портной, портной, я тебя съем!

Посмотрел портной на волка:

– Ну, что ж! Так и быть, ешь. Вот только помешусь ли я у тебя в животе? Нужно мерку сначала снять.

– Меряй, – согласился волк, – только поскорей, а то я очень голоден.

Портной зашёл сзади, схватил волка за хвост, намотал хвост на руку и давай волка по бокам аршином лупить. Бьёт да приговаривает:

– Аршин вдоль, аршин поперёк! Аршин вдоль, аршин поперёк!

Пытаясь освободиться, волк полхвоста потерял – порвался хвост, и часть его осталась в руке портного. Хорошо, что хоть ноги удалось унести.

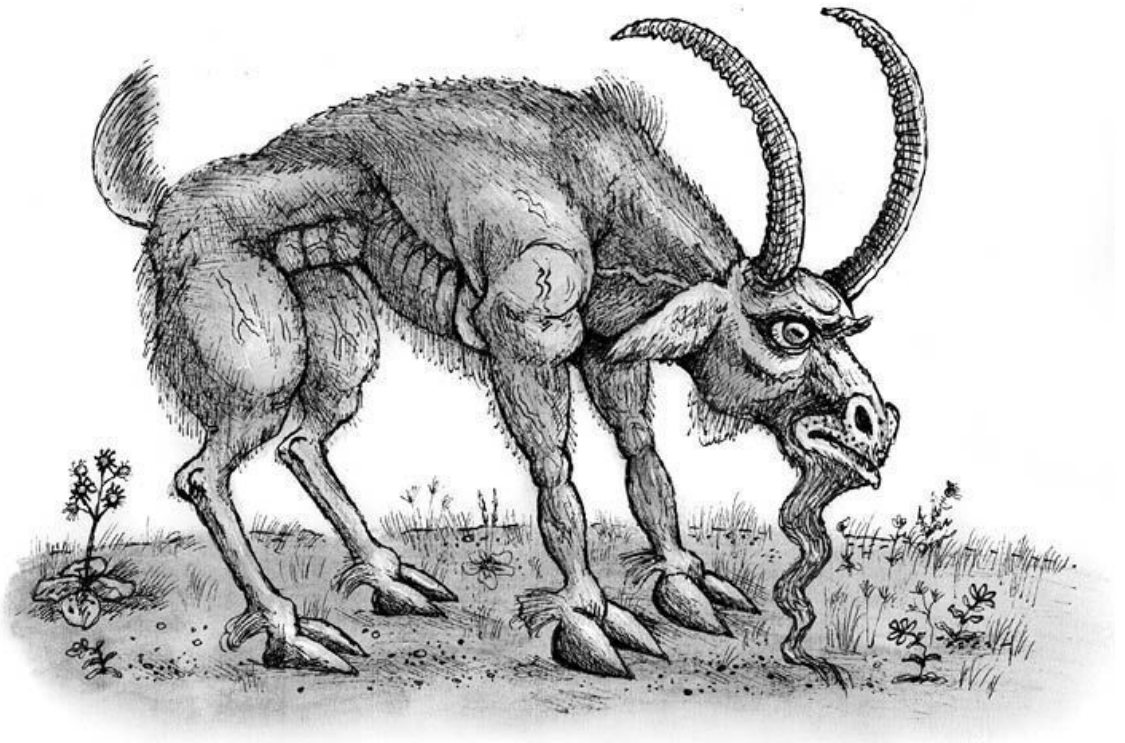
Плетётся волк еле-еле,лизывает рану. Вдруг видит – пасётся на горе большой козёл.

– Козёл, козёл! Я тебя съем!

– Да ешь, коли хочется. Только зачем понапрасну зубы ломать, ты лучше стань под горой и разинь пасть пошире, а я с горы разбегусь – прямо туда и запрыгну.

Волк стал под горой, разинул пасть и ждёт.

Козёл разбежался с горы и ударил волка в лоб. Волк свалился как подкошенный, из глаз звёзды посыпались. А козла и след простыл.

Отлежался волк, встал и думает:

«Проглотил я козла или нет? Ведь если бы я съел козла, брюхо было бы полным. Наверно, он меня, обманщик, провёл».

Погоревал волк, погоревал и пошёл опять искать себе добычи. Увидел под кустом падаль, бросился на неё и попал в капкан.

Иван Бесталанный и Елена Премудрая

давние времена жила в одной деревне вдовая крестьянка с сыном Иваном.

Шло время. Иван вырос, стал большим и сильным, на радость матери. И всё бы хорошо, да только печалится мать, что он у неё совсем бесталанный: за что ни возьмётся – всё не в пользу и впрок, а всё поперёк, не как у других. Поедет, бывало, Иван землю пахать, мать ему и говорит:

– Ты, сынок, поглубже малость паши, а то верхний слой земли хлебом съеден!

Иван вспашет поле поглубже, до самой глины, и глину ту вытащит наверх; посеет потом хлеб – не родится ничего, только семена зря изведёт. И так во всём: старается Иван сделать как лучше, да нет у него удачи и разума мало. А мать стара стала, работа ей непосильна. Как им жить? Вот и жили они бедно, ничего у них не было.

Вскоре хлеба в доме совсем не осталось, последнюю краюшку доели. Призадумалась мать: случись что с ней, как будет жить её сын, такой бесталанный? Нужно бы женить его: у разумной жены и непутёвый муж в хозяйстве пригодится, даром хлеб есть не будет. Да кто его, однако, в мужья возьмёт? Не то что красна девица, а и вдова, поди, не польстится!

Пока мать предавалась печали, Иван сидел на завалинке и ни о чём не переживал. А мимо идёт старичок – согбенный, замшелый, с потемневшим от въевшейся грязи лицом.

– Сынок, будь добр, дай мне что-нибудь поесть, – попросил старик Ивана, – отошлал я за дальнюю дорогу, в суме моей давно пусто.

– Извини, дедушка, у нас у самих крошки хлеба нету в избе, – с сожалением в голосе ответил Иван. – Знать бы, что ты придёшь, я бы давеча сам последние крохи не ел, тебе бы оставил. Пойдём со мной, хоть умоешься с дороги, да и рубаху твою я простирну.

Истопил Иван баню, помылся старик, Иван его веником попарил, потом выстирал одежду старика и уложил уставшего путника спать в избе.

Старик выспался, отдохнул, а проснувшись, и говорит:

– Я твою доброту не забуду. Коли станет тебе худо, пойдёшь в лес. Дойдёшь до места, где две дороги расходятся, увидишь, там серый камень лежит, – толкни тот камень плечом, позови меня, я тут же и предстану перед тобой.

Сказал так старик и ушёл. А Иван с матерью совсем отчаялись, ни одной крошки съестного в доме не осталось, хоть ложись и помирай.

– Обожди меня, матушка, – сказал Иван. – Может, я хлеба тебе принесу.

– Да как же! – ответила мать. – Где ты, бесталанный, хлеба возьмёшь?! Сам-то хоть поешь, а я уж, видно, к Господу нашему натошак отправлюсь... Нашёл бы себе, что ли, невесту, сынок, – может, при жене-то, коли неглупой окажется, всегда с хлебом будешь.

Горестно вздохнул Иван и пошёл в лес. Приходит к развилке дорог, как старик сказывал, коснулся камня плечом, позвал старика – тот и появился невеста откуда.

– Чего тебе? – спрашивает. – Аль в гости пришёл?

Повёл старик Ивана в лес. Видит Иван – в лесу богатые избы стоят. А дед в одну из них и направляется по-хозяйски, Ивана в дом приглашает.

Велел старик кухарке первым делом зажарить барана. Стал гостя угощать. А Иван поел и говорит:

– Мне бы ещё барашка, если можно, да хлеба краюху...

Удивился старик-хозяин, но велел уважить гостя, подать, что тот просит.

– Изволь, – говорит, – угощайся, сколь у тебя душа примет. Аль не сыт?

– Я-то сыт, – отвечает Иван, – премного благодарю, хочу хлеба краюшку да барашка моей матушке отнести, а то ей больно голодно живётся.

Старый хозяин велел своему человеку снести матери Ивана две ковриги белого хлеба и целого барана. А потом и говорит:

– Отчего же вы с матерью голодно живёте? Ты вон какой большой вырос, жениться уж пора, чем семейство прокормишь?

– Даже и не знаю, дедушка! – отвечает Иван. – Да и нет пока жены у меня.

– Эко горе какое! – сказал старик. – А отдам-ка я, пожалуй, свою дочь Елену тебе в жёны. Она у меня разумница, её ума вам на двоих хватит.

Сказал так и тут же дочь позвал. Вошла в горницу прекрасная девушка. Такую красоту и не видел никто, и неизвестно было, что такая красота есть на свете. Глянул на неё Иван, и сердце у него замерло.

А старик строго говорит дочери:

– Вот тебе муж, а ты ему жена.

Прекрасная девушка взор потупила и ангельским голосом произнесла:

– Воля ваша, батюшка.

Поженились Иван с Еленой, стали жить-поживать. Жена Ивана домом правит, живут богато, ни в чём не нуждаются. Старый хозяин редко дома бывает – ходит по миру, народную мудрость собирает, а по возвращении в книгу записывает.

Однажды старик принёс издалече, с холодных гор, волшебное зеркальце от мастера-чародея, – принёс да и спрятал.

Мать Ивана жила теперь в сытости и довольстве, но по-прежнему в своей избе в деревне. Сын звал её жить к себе, да мать не захотела: не по душе ей была жизнь в доме у невестки, не понимала она, чем её сын заслужил такую красавицу, богатую и знатную, а потому беспокойно было на сердце у неё.

Задумался Иван над опасениями матери. И ведь правда: всего довольно у него, и жена ласковая, слова поперёк не скажет, а чувствует он, будто всегда холодно ему. И живут они вроде как не полной жизнью, вполнакала.

Однажды приходит к Ивану старик и говорит:

– Собираюсь я в дальние края, дальше, чем прежде ходил, вернусь не скоро. Хочу тебе ключ от амбара оставить, который всегда при себе носил, да теперь боюсь потерять в дороге, уж больно далёк мой путь. Ты ключ береги и амбар им не отпирай. А уж пойдёшь в амбар, так жену туда не веди. А коли не стерпишь и жену поведёшь, так цветное платье ей не давай. Время придёт, я сам ей выдам его, для неё и берегу. Запомни, что я сказал, а то жизнь свою в смерти потеряешь!

Оставил старик Ивану ключ и ушёл.

Прошло время. Любопытно Ивану, что в том амбаре, решил он посмотреть.

«Я только одним глазком гляну, а жену не поведу!» – подумал он.

Открыл Иван амбар, что всегда заперт был, заглянул внутрь и чуть не ослеп от блеска золота, драгоценных камней и ещё чего-то, чему он не знал названия. Когда глаза его привыкли к этому блеску, Иван заметил в дальнем углу амбара дверь, ведущую, видимо, в чулан или какое-то потайное место. Он открыл дверь и, даже не успев войти, непроизвольно воскликнул:

– Елена, жёнушка моя, иди сюда скорее!

В чулане том висело самоцветное женское платье, сиявшее, как солнце в ясном небе, и по размеру было впору его жене. Обрадовался Иван, такое платье ей точно придётся по нраву.

Вспомнил было Иван, что старик не велел ему платье жене давать, да что с платьем станется, если он его только покажет! А Иван любил жену: она улыбнётся, и ему счастье.

Пришла жена, увидела платье и ахнула от восторга, пожелав немедленно его примерить.

Но Иван не велит ей платье надевать. Жена в слёзы.

– Ты, – говорит, – знать, не любишь меня, коль такое восхитительное платье для жены жалеешь. Дай мне хоть руки продеть, я попробую, каково оно на ощупь, посмотрю, годится ли мне.

Иван разрешил ей руки продеть, пусть порадуется, а с платьем ничего не случится.

Жена продела руки в рукава и опять к мужу:

– Не видать ничего. Разреши голову в ворот сунуть.

Иван разрешил. Она голову сунула, да и дёрнула платье на себя, так что сразу вся в нём и оказалась. А в одном из карманов зеркала лежало, она достала его и собой любуется.

– Ишь, – говорит, – какая красавица, а с бесталанным мужем живёт! Стать бы мне птицей, улетела бы я отсюда далеко-далеко!

Вскрикнула она высоким голосом, всплеснула руками, глядь – и нет её. Обратилась она в голубицу и улетела из амбара далеко-далеко в синее небо, как и пожелала. Платье-то волшебное было.

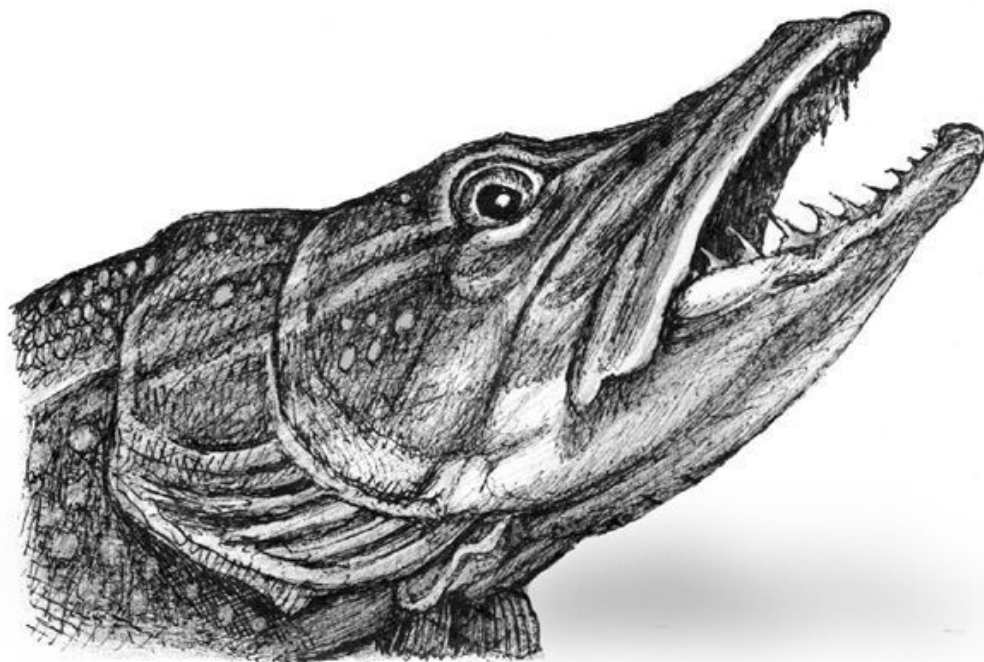
Погоревал Иван, да в путь собрался, жену искать. Слезами делу не поможешь.

– Вот ведь непослушная какая, – сказал он, – забыла наставления отца, с родительского двора без спросу ушла! Найду её, научу уму-разуму!

И тут вспомнил, что сам-то не лучше, бесталанный ведь, хоть плачь.

Вот идёт он путём, идёт дорогой, идёт тропинкой; плохо ему, горюет он по жене. Видит Иван – щука у воды лежит, совсем помирает, а до воды добраться не может. «Э-хе-хе, – думает Иван, – мне-то плохо, а ей того хуже».

Поднял он щуку и пустил её в воду. Щука нырнула в глубину да тут же всплыла, высунула голову из воды и говорит:

– Я твою доброту не забуду. Станет тебе горько – скажи только: «Щука, щука, вспомни Ивана!»

Съел Иван кусок хлеба от краюхи, которую перед дорогой положил в котомку, и пошёл дальше. Идёт он, идёт, а время уж к ночи. Вдруг видит: коршун воробья поймал, в когтях держит и хочет склевать. «Эх, – думает Иван, – мне беда, а воробью смерть!»

Пугнул Иван коршуна, тот и выпустил из когтей воробья.

Сел воробей на ветку, говорит Ивану:

– Я твою доброту не забуду. Будет тебе нужда – скажи только: «Воробей, воробей, вспомни Ивана!»

Заночевал Иван под деревом, а наутро пошёл дальше. И уже далеко он от своего дома, устал, отошал – одежду на себе рукой поддерживает. А ещё идти и идти... Шёл Иван целый год и полгода. Прошёл он всю землю, дошёл до моря, дальше идти некуда.

Встретил Иван местного жителя, спрашивает:

– Чья тут земля, кто тут царь или царица?

И слышит в ответ:

– У нас царица Елена Премудрая: она всё знает – у неё книга есть такая, где всё написано, и зеркало, в котором она всё видит, и тебя сейчас тоже видит, наверно.

Так оно и было. Только сначала Ивана увидела прислужница царицы Дарья, когда вытирала пыль с зеркала.

– Никак, чужой мужик идёт! – сказала прислужница Елене Премудрой. – Издалека, видать, идёт: худой, в пыли весь, и лапти стоптал.

Глянула в зеркальце Елена Премудрая.

– И то, – говорит, – чужой! Это муж мой явился.

Подошёл Иван к царскому двору, тыном огороженному. Видит – в тыне колья, а на кольях головы мертвецов, только один кол пустой.

Спрашивает Иван у прохожего, мол, что это такое?

– Это, – отвечает прохожий, – женихи царицы нашей, Елены Премудрой, которые сватались к ней. Царица-то наша – ты не видал её – красоты несказанной и по уму волшебница. Вот и сватаются к ней женихи, знатные да удалые. А ей нужен такой жених, чтобы её перемудрил! Того, кто не сможет её перемудрить, ждёт смертная казнь. Как видишь, многие пытались, всего один кол остался – дожидается того, кто ещё к ней свататься придёт, мужем её стать надумает.

– А я как раз за этим к ней и иду! – сказал Иван.

– Значит, и кол пустой тебе предназначается, – рассудил прохожий и отправился восвояси.

Пришёл Иван к Елене Премудрой. А Елена сидит в своей царской горнице, и платье на ней отцовское, которое она самовольно в амбаре надела.

– Чего тебе надобно? – спросила Елена Премудрая. – Зачем явился?

– На тебя поглядеть, – отвечает Иван, – я по тебе скучаю.

– По мне и вон те скучали, – сказала Елена Премудрая и показала на тын за окном, где на кольях головы мертвецов красовались.

– Разве ты не жена мне больше? – поинтересовался Иван.

– Была я тебе жена, – царица ему говорит, – только ведь я теперь не прежняя. Какой ты мне муж, бесталанный мужик! Хочешь, чтобы я снова стала твоей женой, так заслужи меня! А не заслужишь – голову с плеч долой! Вон кол пустой в тыне торчит.

– Кол пустой по мне не тоскует, – возразил Иван. – Гляди, как бы ты по мне не затосковала. Скажи: чего ты желаешь?

Царица ему в ответ:

– Желаю, чтобы ты исполнил, что я велю! Укройся от меня где хочешь, хоть на краю света, чтоб я тебя не нашла, а и нашла – так не узнала бы. Тогда ты будешь умнее меня, и я стану твоей женой. А не сумеешь затаиться, найду и признаю я тебя, – голову потеряешь.

– Дозволь, – попросил Иван, – до утра на соломе поспать, да хлеба чуток пожевать, а утром я исполню твоё желание.

Вечером постелила прислужница Дарья соломы в сенях, принесла Ивану хлеба и кувшин с квасом. Лёг Иван и думает: что утром будет?

А Дарья села в сенях на крыльцо и стала зашивать платье царицы, в котором обнаружилась небольшая прореха. Зашивала-зашивала и вдруг заплакала.

Спрашивает её Иван:

– Чего ты, Дарья, плачешь?

– Да как мне не плакать, – отвечает Дарья, – если велела мне царица прореху в платье зашить, но иголка не шьёт, только распарывает тончайшую ткань. А не зашью, казнят меня утром царица.

– Давай я попробую, – предложил Иван, – может, зашью, и тебе умирать не придётся.

– Царица сказывала, что ты бесталанный, боюсь, как бы ты хуже не сделал, платье-то особое, – засомневалась Дарья. – Впрочем, попробуй, а я погляжу.

Начал Иван шить, но платье лёгкое, словно воздух, никак не может игла ткань подцепить, только рвёт. Тогда бросил Иван иглу и стал руками нити друг с другом связывать.

Увидела Дарья и рассердилась:

– Правду царица говорила, бесталанный ты. Ишь что удумал! Да как же ты руками все нитки в прорехе свяжешь? Их тут не сосчитать!

– Ничего, упорства и терпения у меня хватит, глядишь, и свяжу! – ответил Иван. – А ты иди спать, к утру я постараюсь закончить.

Всю ночь работал Иван. Месяц с неба светил ему, да и платье светилось само по себе, как живое, и видел он каждую нить.

Солнце ещё не взошло, а Иван уже управился. Осмотрел он платье: нет больше прорехи, только словно потяжелело оно. Ощупал его Иван и обнаружил в одном кармане книгу, куда отец Елены записывал народную мудрость, а в другом кармане – круглое зеркальце, которое старик принёс с холодных гор от мастера-волшебника. Поглядел Иван в зеркальце – что-то видно в нём, но смутно; почитал он книгу – не понял ничего. Подумал тогда Иван: «Не зря люди говорят, что я бесталанный, – так и есть».

Утром пришла Дарья, осмотрела платье и сказала Ивану:

– Ты меня от смерти спас, благодарствую, я добро не забываю.

Заря уже всю разгоралась, а Иван ещё не спрятался так, чтобы царица Елена его не нашла. Вышел он во двор, увидел стог сена, забрался внутрь и затаился, да только зря: дворовые собаки сразу его учуяли, стали лаять, и Дарья с крыльца кричит:

– Эй, дурень бесталанный, даже я вижу тебя, не то что царица! Вылезай оттуда, сено лаптями не марай!

Вылез Иван и думает: куда ему податься? Направился к морю, может, щука что подскажет. Подошёл к воде.

– Щука, щука, – позвал, – вспомни Ивана!

Щука высунула голову из воды.

– Иди сюда, – говорит, – я тебя на дне моря спрячу!

Бросился Иван в море. Утащила его щука на дно, зарыла в песок, а воду хвостом замутила.

Взяла Елена Премудрая своё круглое зеркальце, навела его на землю: нет нигде Ивана; навела на небо: и там нет Ивана; навела на море, на воду: не видать Ивана, одна вода мутная. «Я-то хитра, я-то умна, – думает царица, – но и он не прост, Иван Бесталанный!»

Открыла она отцовскую книгу мудрости и читает там: «Сильна хитрость ума, а добро сильнее хитрости, добро и тварь помнит». И рассказала книга царице, что лежит Иван в песке на дне морском; надо пригрозить щуке, что поймают её и съедят на обед, если не выдаст она Ивана.

Так царица и поступила. Послала к морю Дарью-прислужницу, велела ей кликнуть щуку и без Ивана не возвращаться.

Предстал Иван перед Еленой Премудрой.

– Казни меня, – сказывает, – не заслужил я тебя.

Задумалась царица: казнить Ивана она всегда успеет, всё-таки они не чужие друг другу, пусть покажет, на что способен.

Говорит она Ивану:

– Так и быть, дам тебе ещё один шанс: пойдёшь снова спрячься. А там посмотрим, перехитришь ты меня или нет; тогда и буду решать: казнить тебя либо миловать.

А куда пойдёшь, куда спрячешься, чтобы царица его не нашла?! У неё волшебное зеркальце есть: она в него всё видит, а что в зеркальце не видно, про то ей мудрая книга расскажет.

– Эй, воробей, воробей, – крикнул он, – вспомни Ивана!

Воробей не заставил себя ждать, уже тут как тут.

– Упади на землю, – говорит, – стань зёрнышком!

Упал Иван на землю, стал зёрнышком, а воробей склевывал его.

Елена Премудрая навела зеркальце на землю, на небо, на воду – нигде нет Ивана. Всё есть, а его нет. Рассердилась царица, бросила зеркальце об пол, и оно разбилось. Пришлось Дарье-прислужнице собирать осколки.

А Елена Премудрая обратилась к отцовской книге, и та ей поведала: «Иван в зерне, зерно в воробье, а воробей сидит на плетне».

Царица через Дарью припугнула воробья, пообещав скормить его коршуну, и воробей от страха уронил из клюва зёрнышко. Как только коснулось оно земли, появился Иван в полный рост.

Вновь предстал Иван перед Еленой Премудрой.

– Казни меня теперь, – говорит, – видно, и правда я бесталанный, а ты премудрая.

– Завтра казню, – рассудила царица. – Завтра водружу на пустой кол твою бесталанную голову.

Лежит вечером Иван в сених и в преддверии скорой смерти матушку свою вспоминает. Вспомнил, и легко ему стало – так он любил её.

Вскоре Дарья его навестила, горшок с кашей ему принесла.

Поел Иван кашу. Дарья ему и говорит:

– Ты царицу-то нашу не бойся. Она не очень злая.

– Жена мужу не страшна, – отвечает Иван. – Мне бы только успеть уму-разуму её научить.

А Дарья наставляет его:

– Ты завтра попроси царицу на время казнь отложить, мол, матушка твоя должна скоро приехать, не можешь ты умереть, не повидав её напоследок.

Наутро, как Дарья советовала, так Иван и сказал всё Елене Премудрой.

Поглядела на него царица и говорит:

– А ты заслужи отсрочку казни, спрячься от меня в третий раз. Не найду тебя, так и быть – живи.

Пошёл Иван укромное место искать и повстречал Дарью-прислужницу.

– Я твою доброту помню, – сказала Дарья, – доверься мне, я тебя спрячу.

Дунула она в лицо Ивана, и превратился он в её дыхание. Вдохнула Дарья и вместе с воздухом втянула его себя. А потом пошла во дворец, взяла волшебную книгу со стола, открыла её и, дунув, выпустила Ивана, ставшего её дыханием, на страницы той книги, где он тотчас обратился в новую заглавную букву. Закрыла Дарья книгу и ушла восвояси.

Вскоре Елена Премудрая решила узнать, где Иван. Смотрит в книгу и ничего понять не может: ни подсказок, ни смысла в ней нет. От новой заглавной буквы слова в книге изменились.

Захлопнула книгу Елена Премудрая и в сердцах швырнула её на пол.

Все буквы высыпались из книги, перемешались, а первая, заглавная, буква как ударилась об пол, так и обратилась в Ивана.

Глядит Иван на Елену Премудрую, жену свою, глядит и глаз отвести не может. Засмотрелась тут и царица на Ивана, а засмотревшись, улыбнулась ему. И стала она ещё прекраснее, чем прежде была.

– Вот ведь как! – говорит она. – Я думала, муж у меня бесталанный, а он и от волшебного зеркала утаился, и книгу мудрости перехитрил!

Стали они жить-поживать в мире и согласии. Однажды спрашивает царица у Ивана:

– Чего твоя матушка в гости к нам не идёт?

Отвечает ей Иван:

– И то правда! Да ведь и батюшка твой давно не появлялся! Пожалуй, я утром схожу за ними.

А наутро чуть свет матушка Ивана и батюшка Елены Премудрой сами в гости к детям пришли.

Иван поклонился своей матушке, а перед стариком преклонил колена и повинулся:

– Прости меня, отец, бесталанного! Не сумел я соблюсти твой запрет.

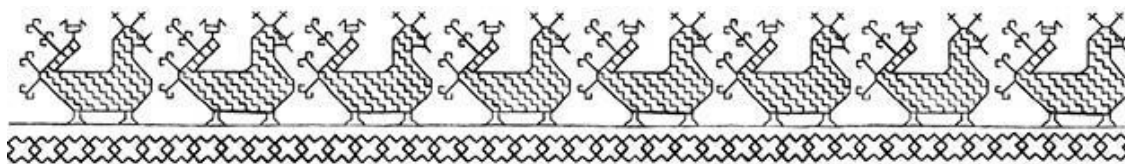
Обнял его старик и простил.

– Спасибо тебе, – говорит, – сынок. В платье заветном красота была, в книге – мудрость, а в зеркальце весь мир отражался. Вот такое приданое я для дочери собрал, не хотел только дарить раньше времени, поскольку недоставало в нём главного – таланта, который я в дальних краях искал, а он рядом оказался – в тебе, Иван. Видно, он не покупается и не дарится, а только самим человеком добывается.

Заплакала тут Елена Премудрая, поцеловала Ивана, мужа своего, и попросила у него прощения.

С тех пор Елена с Иваном и их родители стали жить вместе, в любви и уважении друг к другу.

Карельские сказки

Как один парень царя проучил

давние времена жил на свете царь, который очень любил слушать сказки. Царские слуги сбивались с ног в поисках сказочников для царя, ведь он каждый день требовал новую сказку и приказывал казнить тех рассказчиков, чьи сказки он уже прежде слышал. Но как было заранее понять, какую сказку он знает, а какую нет?

Стоило царю услышать знакомый сюжет, как он тут же повелевал отрубить рассказчику голову.

В конце концов не осталось в этом царстве сказочников, которые не боялись бы рассказывать свои сказки царю. А царь злится, требует, кричит на слуг:

– Найдите мне сказочника где хотите, или всем вам конец!

Мечутся слуги, себя не помнят от тревоги. И вдруг является во дворец какой-то незнакомый парень.

Пришёл, с царём поздоровался и говорит:

– Хочешь, царь, мою сказку послушать?

Обрадовался царь. Торопит парня, в рот ему смотрит.

– Давай, давай, рассказывай скорее! – И усаживает его подле себя в мягкое кресло.

Парень говорит:

– Ну, слушай. Таковую сказку ты ещё, верно, не слыхивал. Было это давным-давно, когда мой дед и твой дед вместе сарай строили. Такой был длинный сарай, что если бы в нём бревно протянуть – белка за целый день не смогла бы от конца до конца проскакать. Ты про такое не слыхал?

– Нет, не слышал, – признался царь. – А что дальше было?

– А дальше завтра расскажу, – ответил парень и ушёл. Наутро снова приходит. Царь его опять рядом с собой усаживает, торопит:

– Ну, так что же дальше-то было?

– Так вот, – говорит парень, – твой дед и мой дед в этом сарае быка вырастили. Такой был бык, что ласточке целый день лететь нужно было, чтобы с одного рога на другой перебраться. Ты про такого быка слышал?

– Нет, – отвечает царь, – не приходилось.

– Ну и ладно, а что дальше было, завтра расскажу, – говорит парень. И снова ушёл.

«Вот ведь хитрец, – думает царь, – но только я его всё равно перехитрю. Лишится он, как и другие, головы!»

Созвал он своих придворных и велел им, чтобы, когда сказочник завтра явится во дворец, все они тоже пришли слушать сказку.

– Как только он начнёт говорить, – наставлял придворных царь, – и что бы он ни сказал, кричите: «Мы это слышали, слышали!» И его хитрость ему не поможет!

На следующий день в присутствии собравшихся придворных парень продолжил свой рассказ:

– Когда твой отец и мой отец по соседству царствовали, взял твой отец у моего отца в долг тридцать бочек золота. На тридцати лошадях увёз. Слыхали про это?

– Слыхали, слышали! – закричали хором придворные.

– Долг, как известно, платежом красен, – заметил парень. – Все про этот долг слышали, так что отдавай, царь, золото! – потребовал он.

Царь не смог ничего возразить, и пришлось ему раскошелиться. Ведь не поспоришь, когда все про долг слышали. Правда, тридцать бочек золота в царской казне не набралось, но хитрого сказочника и десять бочек устроило. Разбогател он, на тройке коней от царя уехал. А царь с тех пор перестал сказки слушать. Проучили его!

Горшок киселя

или некогда старик со старухой, бедно жили. Не было у них ни скотины, ни другого добра. Старик батрачил у богатых людей, но домой ничего не приносил.

И вот однажды пронёсся слух, что царь устраивает большой пир, куда зовёт всех – и богатых, и бедных. Старик тоже засобирился на пир. Но как пойти к царю без подарка?!

Думал он, думал и придумал: велел старухе сварить горшок киселя – мол, чем не подарок?! С этим киселём старик и отправился к царю на пир. Рассмешил он царя своим подарком, и дал ему царь за сметливость мерку золота. Обрадовался старик. Идёт домой довольный. А навстречу ему едет человек верхом на лошади.

– Откуда идёшь, старик? – спрашивает.

– Иду с царского пира, – отвечает старик. – Подарил царю горшок киселя, получил за это мерку золота. Теперь смогу купить что-нибудь себе и старухе!

– Давай меняться! Ты мне золото, я тебе лошадь.

Они ударили по рукам: старик взял лошадь, отдал золото, радуется, что теперь можно будет поле на своей лошади вспахать да и до дому пешком идти не придётся!

Сел он на лошадь, проехал немного, видит – женщина гонит корову.

– Откуда едешь, старик? – спрашивает женщина.

– Еду с царского пира, – отвечает старик. – Подарил царю горшок киселя, получил за это мерку золота. Поменял золото на лошадь. Теперь в хозяйстве своя лошадь будет.

– Давай и со мной меняться: ты мне лошадь, я тебе корову! – предлагает женщина.

«А что? – думает старик. – Корова – это молоко в доме. Вот старуха обрадуется!» И он согласился на обмен. Повёл корову домой. Прошёл немного, а навстречу женщина свинью гонит, в город ведёт.

– Где ты был, старик? – спрашивает.

– Был на царском пиру. Подарил царю горшок киселя, получил за это мерку золота. Золото поменял на лошадь, лошадь – на корову. Вот веду корову домой, будет у нас со старухой молоко.

– А не поменяешь ли корову на свинью? – предлагает женщина.

– Можно, – отвечает старик. – Хоть мяса вдоволь поедим!

Гонит он свинью и повстречал женщину с овцой.

– Куда ходил, старик?

– Ходил на царский пир. Подарил царю горшок киселя, получил за это мерку золота. Золото поменял на лошадь, лошадь – на корову, корову – на свинью. Буду теперь старуху мясом потчевать.

– Может, поменяешь свинью на овцу? – спрашивает женщина.

А старик и рад.

– Почему бы и нет? – говорит. – Овца – это шерсть, навяжет старуха и рукавиц и чулок. Прошёл ещё немного. Догоняет женщину с курицей.

– Куда ходил, старик?

– Ходил на царский пир. Подарил царю горшок киселя, получил за это мерку золота. Золото поменял на лошадь, лошадь – на корову, корову – на свинью, свинью – на овцу. Теперь сможем навязать рукавиц и чулок, в холод греться будем.

– Давай меняться, – тут же подсуежилась женщина. – Ты мне – овцу, а я тебе – курицу. «Курица – это хорошо, – думает старик, – курица яйца несёт. Будем и сами есть, и для продажи наберём». И он согласился.

Идёт дальше с курицей под мышкой. Встречает женщину, у которой на груди иголка приколот.

– Откуда идёшь, старик?

– Иду с царского пира. Подарил царю горшок киселя, получил за это мерку золота. Золото поменял на лошадь, лошадь – на корову, корову – на свинью, свинью – на овцу, овцу – на курицу.

– Поменяй курицу на иголку, – предлагает женщина. – Сможешь лохмотья свои починить.

– И то верно, – соглашается старик, – лохмотья давно в починке нуждаются.

Отдал он курицу, взял взамен иголку. Идёт, идёт, уже к дому подходит, но, перелезая через изгородь, уронил иголку на землю. Принялся искать её в траве, каждую травинку перебрал, а иголки не нашёл. Так и пришёл домой ни с чем. Говорит старухе:

– Зря я кисель царю подарил, лучше бы сами откушали.

Ненецкие сказки

Повелитель ветров

ил в тундре старик Нгум Мята, и было у него три дочери.

Стояла зима, долгий северный ветер не унимался уже много дней. Старик с дочерьми мёрзли в своём чуме, а пурга всё не стихала, того и гляди, даже чум не устоит под её напором.

Знать, хозяин северного ветра, могучий Котура, пургу наслал! Решил Нгум Мята задобрить Котуру. Подумал старик и говорит:

– Мы все тут замёрзнем. И весь наш народ замёрзнет. Ветер и пурга не прекратятся и нас доконают. Ведь это сам Котура осерчал. Жену ему надо. – Окинул он взглядом дочерей и продолжил: – Иди, старшая дочь, к нему в жёны, выручай. Возьми маленькие санки и толкай их против ветра. Ветер злой, будет тебе завязки на одежде развязывать, снег за шиворот кидать, а ты завязки не завязывай, снег не вытряхивай, пока на гору, что увидишь впереди, не заберёшься. К тебе на плечо сядет птичка, не прогоняй её. Сними рукавицы, согрей птичку в ладонях. Потом съезжай на санках с другой стороны горы. Санки останутся у чума Котуры. В чум зайди и жди хозяина. Ничего не ешь, ничего не трогай, а когда хозяин придёт, делай всё, что он прикажет.

Старшая дочь оделась, попрощалась со всеми, взяла маленькие санки, вышла из чума в бушующую пургу и, подгоняемая ледяным ветром, направилась к грозному Котуре. А ветер свирепствует: завязки на её одежде развязал, снегу ей за шиворот накидал. Гору уже видно впереди, но на неё ещё надо забраться...

«Зачем мёрзнуть?» – подумала девушка. Вытряхнула снег, завязала завязки, поднялась на гору. Подлетела к ней маленькая птичка, хочет на плечо сесть. А девушка прогоняет её.

– Самой холодно, – говорит. – Лети прочь!

Птичка улетела. А старшая дочь старика скатилась на санках с горы прямо к большому чуму. Внутри никого не было. Села она на белые оленье шкуры и увидела много жирного оленьего мяса. «Чего просто так голодной сидеть?» – подумала она. – Поем-ка я оленьего жиру». И начала отрывать от оленьих туш самые жирные куски. Вдруг слышит шум: кто-то к чуму подошёл, снег с лыж сбил, лыжи снял. И вот вошёл в чум молодой рослый богатырь. Это и был Котура, хозяин чума, хозяин северного ветра. Увидел девушку и спрашивает:

– Зачем ты здесь?

– Меня отец прислал, – отвечает она.

– Тогда почему без дела сидишь, почему мясо не варишь? Разводи огонь, клади мясо в котёл.

Когда девушка сварила мясо, Котура дал ей три большие деревянные плошки и велел поделить мясо на три части.

– Две съедим мы с тобой, а третью отнесёшь в соседний чум, – пояснил он.

Старшая дочь старика положила в первую плошку самые жирные куски и взяла её себе. Вторую, где были куски похуже, отдала Котуре. А в третьей в результате такой делёжки оказались лишь жилистые остатки.

– Эту, – сказала она, – отнесу твоим соседям.

Они поели. Котура говорит:

– Теперь отнеси мясо в соседний чум. Только сама в него не заходи. Снаружи постой, подожди, пока плошку тебе вернут.

Старшая дочь старика оделась и пошла искать соседний чум. Да только не видать его: темень крошечная, метель метёт. Походила она туда-сюда и думает: «Пойду-ка я назад, пока чум Котуры не потеряла. А мясо съем». Но мясо было жилистое, не прожевать, и она его выбросила. Вернулась в чум Котуры. Хозяин чума уже спал. Девушка легла на шкуры и тоже заснула. Утром, когда она проснулась, Котура заинтересовался:

– Отнесла мясо?

– Отнесла, – отвечает девушка.

– Покажи плошку, – велел Котура. – Посмотрю, чем тебя отдали.

Девушка показала пустую плошку. Котура молча вышел из чума, принёс несколько сырых оленьих шкур и говорит:

– Вот тебе шкуры. Выделай их, а потом сшей мне сокуй², пимы³, штаны и рукавицы. Управься к вечеру, пока я на охоте.

Оставшись одна, старшая дочь старика начала волосы расчёсывать. Вдруг в чум вошла седая старушка. Вошла и просит:

– Девушка, расчеши и мне волосы. Давно их никто не расчёсывал.

– Некогда мне. Вон работы сколько! – ответила девушка и кивнула на ворох шкур. – Иди, бабушка! Не мешай!

Старушка вышла из чума.

Кто она? Откуда пришла? Куда пошла? Не задаваясь такими вопросами, старшая дочь старика принялась за работу. Шкуры мнёт, ножом их кроит, торопится и шьёт кое-как.

Вечером Котура вернулся.

– Одежду сшила?

– Сшила, – отвечает девушка.

Котура осмотрел работу. Шкуры были жёсткие, плохо выделанные, одежда ему не подошла, оказалась мала.

– Иди, девушка, домой, – недовольно распорядился Котура.

Старик Нгум Мята сидел с дочерьми в чуме. Пурга не унималась. «Видимо, не пришла по нраву Котуре моя старшая дочь, – подумал старик. – Видимо, пренебрегла она моими наставлениями. Вон как дует! Сердится Котура».

И тут в чум вошла старшая дочь.

– Что, не понравилась Котуре? – спросил старик.

– Это он мне не понравился, – ответила старшая дочь. – Не пойду я за него.

Старик Нгум Мята покачал головой и сказал:

– Придётся тебе, моя средняя дочь, идти к Котуре. Выручай нас.

Он повторил средней дочери то, что говорил старшей.

² Сокуй – дорожная одежда с капюшоном из оленьих шкур.

³ Пимы – тёплые сапоги, сшитые из шкурок с ног оленя.

Средняя дочь оделась, попрощалась со всеми, взяла маленькие санки, вышла из чума в бушующую пургу и, подгоняемая ледяным ветром, направилась к грозному Котуре. А ветер свирепствует: завязки на её одежде развязал, снегу ей за шиворот накидал. Гору уже видно впереди, но на неё ещё надо забраться...

«Зачем мёрзнуть?» – подумала девушка. Вытряхнула снег, завязала завязки, поднялась на гору. Подлетела к ней маленькая птичка, хочет на плечо сесть. А девушка прогоняет её.

– Самой холодно, – говорит. – Лети прочь!

Птичка улетела. А средняя дочь старика скатилась на санках с горы прямо к большому чуму. Внутри никого не было. Она развела огонь, наварила оленьего мяса, и тут пришёл Котура.

– Зачем ты здесь? – спросил он девушку.

– Меня к тебе отец прислал, – ответила она.

– Вижу, ты хорошая хозяйка, уже и мясо сварила, – похвалил Котура. – Вот тебе три плошки, раздели мясо на три части. Две съедим мы с тобой, третью отнесёшь в соседний чум.

Девушка разделила мясо на три равные части. Они поели. Котура говорит:

– Теперь отнеси мясо в соседний чум. Только сама туда не заходи. Подожди, пока вернут плошку.

Средняя дочь старика оделась и пошла искать соседний чум. Да только не видать его: темень кромешная, метель метёт. Походила она туда-сюда и думает: «Пока найду этот чум, замёрзну. Лучше выброшу мясо да вернусь поскорей в тепло». Так и сделала.

– Быстро ты вернулась, – удивился Котура. – Мясо отнесла?

– Отнесла.

– Покажи плошку, посмотрю, чем тебя отдачили.

Девушка показала пустую плошку. Котура промолчал и лёг спать. Утром он принёс в чум несколько оленьих шкур и сказал:

– Сшей мне из этих шкур одежду. Управься к вечеру, пока я на охоте. Но прежде чем шить, о моих помощниках позаботься: одного накорми, другому одежду поправь, третьему силы добавь.

Котура встал на лыжи и ушёл в тундру.

Девушка огляделась. Где помощники? Вышла из чума. Нет помощников. О чём говорил Котура? «Скажу ему, что позаботилась, – подумала она. – Надо скорее браться за шитьё». И она взялась за работу. Трудно за один день одежду сшить.

Вдруг в чум вошла седая старушка. Вошла и просит:

– Девушка, расчеши мне волосы. Давно их никто не расчёсывал.

– Некогда мне. Вон работы сколько! – ответила девушка. – Не управлюсь к вечеру – худо мне будет.

Старушка ушла, а средняя дочь старика продолжила работу.

Вечером вернулся Котура.

– О помощниках моих позаботилась? – спрашивает.

– Позаботилась, – отвечает девушка.

– Одежду сшила?

– Сшила, – отвечает девушка.

Котура осмотрел работу. Шкуры жёсткие, одежда сшита вкривь и вкось, невозможно надеть.

– Ты не жадная, как твоя старшая сестра, – сказал Котура. – Но ты недогадлива. Иди домой.

И средняя дочь старика пошла домой.

Старик Нгум Мята совсем замёрз в своём холодном чуме. Пурга не унимается. «И средняя моя дочь не угодила Котуре, – подумал он. – Придётся послать к нему самую младшую, самую любимую».

И тут в чум вошла средняя дочь.

Старик Нгум Мята не стал её ни о чём спрашивать. Он раскурил трубку и сказал:

– Не смогли мои старшие дочери угодить Котуре. Ещё больше он сердится, ещё сильнее дует ветер. Жаль мне мою младшенькую отдавать Котуре. Но ничего не поделаешь. Надо остановить пургу, иначе весь народ замёрзнет.

Он сказал младшей дочери то же самое, что и старшим.

Младшая оделась, попрощалась со всеми, взяла маленькие санки, вышла из чума в бушующую пургу и, подгоняемая ледяным ветром, направилась к грозному Котуре. А ветер свирепствует: завязки на её одежде развязал, снегу ей за шиворот накидал. Гору уже видно впереди, но на неё ещё надо забраться...

Холодно стало, но девушка идёт, снег не вытряхивает. Только взобравшись на гору, она вытряхнула снег, завязала завязки. К ней подлетела маленькая птичка, села ей на плечо. Девушка сняла рукавицы, обогрела птичку в ладонях. Потом спустилась на санках с горы и оказалась около чума Котуры. Она вошла, села на шкуры и стала ждать хозяина. К вечеру вернулся Котура.

– Зачем пришла? – спрашивает.

– Меня к тебе отец прислал, – отвечает девушка.

– Тогда не сиди без дела, мясо вари.

Младшая дочь старика сварила мясо. Котура приказал ей разделить мясо на три части. Девушка разделила всё поровну. Они поели. Котура приказал отнести третью порцию в соседний чум и подождать снаружи, пока вернут плошку.

Девушка оделась и пошла искать соседний чум. Да только не видать его: темень кромешная, метель метёт. Ходила она туда-сюда и вдруг увидела искорку. Подбежала – а там пень, и дымом от него пахнет. Она ткнула в пень ногой, в нём открылась дверь, а из двери выглянула седая старушка.

– Ты кто? – спрашивает. – Зачем пришла?

– Я мясо вам принесла. Котура передал.

– Давай мясо, – говорит старушка. – А сама там стой.

Старушка взяла мясо и скрылась. Долго её не было. Девушка замёрзла. Но вот дверь открылась, и старушка подала ей плошку, полную всякого добра. Девушка вернулась в чум.

Котура говорит:

– Долго ты ходила. Соседний чум нашла?

– Нашла, – отвечает девушка.

– Мясо отдала?

– Отдала, – отвечает девушка.

– Покажи-ка плошку, посмотрю, что там.

В плошке лежали скребки и мялки для выделки шкур, ножи для кройки, иголки, нитки, – всё, что надо для шитья. Котура улыбнулся:

– Хорошо тебя отдачили.

Утром он занёс в чум несколько сырых оленьих шкур, приказал выделать их и сшить одежду.

– Вечером вернись с охоты – посмотрю твою работу. Хорошо справишься – возьму тебя в жёны. Не справишься – выгоню, как твоих сестёр. Да не забудь: прежде чем шить, о помощниках моих позаботься – одного накорми, другому одежду поправь, третьему силы добавь.

Котура ушёл. Девушка огляделась. Где помощники? Вышла из чума и всё поняла. Вон собака сидит, её надо накормить. Накормила. Вон сети висят, их надо починить. Починила. Вон топор лежит, его надо наточить. Наточила. Силы ему добавила. Обо всех помощниках позаботилась. Вошла в чум, взяла скребок, начала шкуры скоблить.

Вдруг вошла седая старушка, та самая, которой она вчера относилась мясо. Старушка говорит:

– Девушка, расчеши мне волосы. Давно их никто не расчёсывал.

Что делать? Работа ждёт, надо спешить, но и старушку жаль. Отложила девушка работу, взялась за гребень, расчёсывает старухе волосы. Старуха говорит:

– Загляни-ка мне в правое ухо. Будто бы кто-то там шевелится.

Младшая дочь старика заглянула в ухо и испугалась, отшатнулась.

– Что с тобой, милая? – спрашивает старуха. – Что там увидела?

– Там у вас девушки сидят!..

– Так зови их сюда! Пусть они помогут тебе одежду сшить, а ты не спеши мне волосы расчеши, в косы их заплети.

Младшая дочь старика кликнула девушек. Они выскочили из старухино ухе. Их оказалось четыре. Дружно взялись они за шкуры. Скоблят их, мнут, дубят, кроят, одежду шьют. К вечеру всё было готово. Девушки снова стали маленькими и спрятались в старухином ухе. Перед уходом старуха сказала:

– Котура посмотрит на работу и скажет, что она похожа на работу его сестёр. Ты ответь: «Я твоих сестёр не видела, не слышала, где мне взять их работу». Запомни эти слова и знай: Котура – мой сын.

Вечером Котура вернулся.

– О помощниках моих позаботилась?

– Позаботилась, – отвечает девушка.

– Одежду сшила?

– Сшила.

Котура осмотрел одежду, примерил. Шкуры мягкие, одежда ладно скроена и крепко сшита.

– Это похоже на работу моих сестёр, – заметил Котура.

– Я твоих сестёр не видела, не слышала, где мне взять их работу?

Котура засмеялся. Потом говорит:

– Ты не жадная, смышлёная и мастерица хорошая, – быть тебе моей женой.

В тот же миг в тундре ветер утих, пурга улеглась. Тепло стало. Старик Нгум Мята подумал: «Пришлась по нраву Котуре моя младшая дочь. Вот и пурга утихла. Теперь мой народ спасён».

Как медведь хвост потерял

или когда-то в лесу медведь и лиса, дружно жили, почти как родственники. В те времена у медведя был длинный пушистый хвост.

Однажды лиса говорит медведю:

– Хочу свеженькой рыбки отведать. Пойду на речку, половлю.

– Как же ты, лисичка-сестричка, из проруби рыбу достанешь? – спросил медведь.

– Проще простого, – отвечает лиса. – Суну хвост в прорубь, рыба сама к хвосту приплывёт и за хвост зацепится, любит она так делать!

И лиса ушла на речку.

А там как раз мужики рыбачили. Лиса легла на снег, притворившись мёртвой. Наловили мужики рыбы, погрузили на нарту и поехали. На дороге лису увидели и на рыбу сверху её положили. Лиса мешок с рыбой прогрызла, рыбу на дорогу всю выбросила, а потом и сама убежала.

Медведь идёт, смотрит: лиса рыбу ест, а рядом ещё рыба лежит. «Хороший улов! – с завистью думает медведь. – Впрочем, так и я могу наловить!»

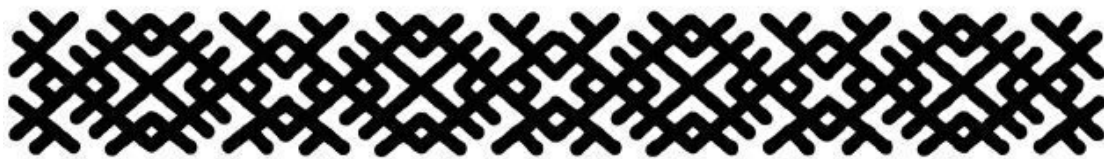
Пошёл медведь на реку, засунул хвост в прорубь и сидит.

Долго уже сидит. Надоело. Думает: «Должно быть, уже много рыбы за хвост зацепилось! Надо посмотреть».

Начал хвост из воды тащить, да не тут-то было – намертво хвост примёрз. А что делать? Дёрнул медведь свой хвост изо всех сил – ну и оторвал его.

С тех пор медведь без хвоста остался. А ведь какой длинный и пушистый был хвост! Теперь в это даже трудно поверить, никакого хвоста у медведя теперь нет.

Коми сказки

Старуха Йома⁴ и две девушки

или некогда муж с женой, растили дочь. Но потом жена умерла, а муж женился на другой, у которой была своя дочка, родная и любимая. Новая жена, злая и сварливая, души в ней не чаяла, а бедную падчерицу возненавидела – заставляла работать с утра до ночи, кормила объедками. Зато её дочь совсем не работала, а ела всё самое вкусное, всё самое сладкое.

Послала как-то мачеха падчерицу на речку выполоскать моток пряжи.

– Не бойся, – говорит, – что вода холодная. За работой руки потом отогреются!

Побежала девушка к реке, начала полоскать пряжу. Быстро замёрзли пальцы, онемели совсем, не смогли удержать моток, выпал он из рук и пошёл ко дну. В слезах прибежала девушка домой, рассказала мачехе, как утонул моток. Мачеха ударила её и закричала:

– Ах ты, бездельница! Я так и знала, что ты ни на что не способна! Лезь в воду, доставай моток со дна! Как хочешь доставай, но без пряжи не возвращайся!

Бедная девушка заплакала, но ослушаться не посмела: пришла на берег реки, закрыла глаза и прыгнула в воду.

А когда открыла глаза, увидела зелёный луг, на котором пасётся табун лошадей златогривых. Ветер гривы развеивает, волосы путает. Девушка подошла к лошадям, гривы им расчесала своим гребнем. И тут одна из лошадей вдруг говорит:

– Иди по этой тропинке. Встретишь сначала сметанный ручей, потом медовый. Но не ешь ни сметаны, ни мёда – это ручьи старухи Йома. По тропинке ты выйдешь к избушке старухи. У неё твой моток пряжи. Избушка не простая – крутится на ветру без остановки. Надо крикнуть:

*Избушка, избушка, на меня ты не злись,
Смиренно прошу тебя: остановись!*

Избушка остановится, и ты смело в неё входи.

Девушка поблагодарила златогривую кобылу и пошла по тропинке. Видит, пасётся корова. Вымя у коровы переполнено, рядом стоит подоюник, а подоить корову некому.

– Девушка, подои меня, – жалобно попросила корова.

⁴ Йома подобна Бабе-яге, но живёт в подводном мире.

Девушка подоила корову. А корова ей говорит:

– Когда придёшь к старухе Йоме, она потребует, чтобы ты сначала поработала. Потом за работу предложит на выбор два лукошка: красное и голубое. Возьми голубое.

Девушка поблагодарила корову и пошла дальше. У сметанного ручья ей ужасно захотелось есть, но она помнила предостережение златогривой кобылы, что это ручей старухи Йомы, а потому вздохнула, перешла через ручей по мостику и продолжила путь. У медового ручья она сглотнула слюнки, но и мёду не попробовала. Это тоже ручей старухи Йомы, нельзя! Тропинка привела её к избушке, которая вертелась на ветру.

– Избушка, избушка, на меня ты не злись,
Смиренно прошу тебя: остановись!

Избушка вмиг остановилась, девушка вошла. А там сидит старуха Йома, водяная хозяйка. Старуха спрашивает:

– Зачем пришла?

– У меня, бабушка, моток пряжи утонул, вот я хожу, его ищу, – отвечает девушка.

– Твой моток у меня, – говорит старуха, – но ты сначала поработай. Пойди-ка дров наколи, баню истопи.

Девушка наколола дров, истопила баню. Старуха принесла туда полное лукошко лягушат, ящериц и жуков-плавунцов.

– Вот, – говорит, – тут мои милые детушки, всех их надо вымыть да выпарить, чтоб они довольны были.

Девушка всех их бережно вымыла, всех осторожно выпарила. Старуха принесла ей два лукошка: красное и голубое.

– Выбирай!

Девушка взяла голубое, как советовала корова.

– Открой его на зелёном лугу, – сказала Йома. – Там найдёшь свой моток.

Пришла девушка на зелёный луг и открыла лукошко. И тут на лугу появилась большая, хорошая изба, а в ней – всё, что надо для хозяйства. Увидела там девушка и свой моток пряжи, что утопила в речке.

На другой день она вышла замуж за парня из своей деревни, которого давно любила.

Стали они жить в своей избе.

А мачеха ещё больше разозлилась, что у нелюбимой падчерицы всё хорошо.

– За что ей такое счастье привалило?! – кричала она. – Всё должно моей умной да хорошей дочери достаться, а не этой бездельнице и замарашке!

На следующий день она послала свою дочь полоскать моток пряжи. Но белоручка не захотела руки морозить, а сразу бросила моток в воду и утопила. Прибежала домой, плачет:

– Мама, я моток нечаянно выронила, он в речке утонул.

– Ничего не поделаешь, придётся тебе нырнуть за мотком, моя милая доченька, – говорит мать.

Белоручка нырнула в речку и оказалась на зелёном лугу, где паслись златогривые лошади. К девушке подошла кобылица.

– Расчеши мне гриву своим гребнем, – попросила она.

– Некогда мне! – отмахнулась от неё белоручка. – Я ищу моток пряжи – спешу к старухе Йоме за наградой, за приданым!

Лошади ничего ей не сказали. Она побежала по тропинке и встретила корову.

– Девушка, подои меня, тяжело мне, вымя моё переполнено, – просит корова.

– Некогда мне! – отвечает белоручка. – Да и доить я не умею. У нас коров доила отцова дочка – это её дело!

И побежала дальше. Вдруг видит – течёт сметанный ручей. «Вот сметанки поесть – это моё дело!» – подумала белоручка. Она встала на четвереньки и давай пить из ручья. Долго пила. Дух перевела – снова начала. Потом поднялась и медленно пошла по тропинке. У медового ручья всплеснула руками: «Ах, как жаль, что я сметаны так много съела! Для мёда места почти не осталось. Ну, ничего, справлюсь, чай не работать», – подумала она, встала на четвереньки и давай пить мёд из ручья. Пила, пила... Дух перевела – опять к ручью припала. Трудно оторваться от мёда. Уж больно сладкий да душистый! Наконец чувствует: больше не лезет. Встала, с трудом побрела по тропинке. Впереди избушку старухи Йомы увидела, подошла, да только, что делать, не знает: избушка вертится на ветру – не останавливается. Стала белоручка её руками останавливать, все руки в кровь разбила, но всё-таки удалось ей остановить избушку. Не успела войти, как старуха Йома спрашивает:

– Зачем пришла?

– За наградой пришла, за приданым, – отвечает девушка.

– Ишь ты, за наградой, – усмехнулась старуха Йома. – Ещё и не работала, а уже за наградой. Ну ладно, иди работать. Дров накопи, баню истопи.

Начала белоручка дрова колоть – не получается, не умеет она. Мало наколола, баню плохо истопила, вода не горячая. Принесла ей старуха Йома полное лукошко лягушат, ящериц и жуков-плавунцов. Белоручка не захотела их мыть, отстегала веником – и всё дело. Старуха принесла ей два лукошка: красное и голубое.

– Выбирай, – говорит.

Белоручка схватила красное лукошко и побежала домой. Мать её встречает:

– Ах, моя умница! Вот и ты принесла в дом счастье!

Зашли они вдвоём в избу, открыли красное лукошко, а оттуда красный огонь вырвался и спалил их избу.

Эрзянские сказки

Дуболго Пичай

или некогда старик со старухой, и было у них трое детей – два мальчика и девочка, которую звали Дуболго Пичай. И надо сказать, что такой красавицы, как она, на всём свете было не сыскать. Шло время, дети выросли. Когда умерли отец с матерью, осталась Дуболго Пичай с двумя братьями. Оба брата её очень любили. Собирается, бывало, старший брат на охоту, она выходит провожать его, и брат говорит ей:

– Если, на твоё счастье, попадутся мне звери и птицы, я тебе, сестрица Дуболго Пичай, куплю браслеты и кольца!

Выходит Дуболго Пичай провожать младшего брата, и он ей подарки сулит. Братья ей всё покупали, что сулили: на её счастье, охота всегда у них бывала удачная.

Вскоре братья один за другим женились. Жёны им попались нехорошие, сварливые: каждый день ругаются с мужьями и между собой живут как кошка с собакой. С самых первых дней невзлюбили они Дуболго Пичай – завидовали, что была она первой красавицей в деревне, что всё, за что она ни бралась, ей удавалось, что братья души в ней не чаяли. Из дня в день жёны братьев Дуболго Пичай копили злобу, готовы были сжить её со свету и постоянно наговаривали на неё своим мужьям. Особенно злились они на то, что братья, когда собирались на охоту, всегда обещали подарить что-нибудь сестре. Вначале они и жёнам своим сулили подарки, да только тогда у них не было удачи на охоте, ничего им не попадалось.

Однажды, когда братья уехали на охоту, жёны их задумали расправиться с Дуболго Пичай. Решили они убить лучшего вороного жеребца, а мужьям сказать, что виновата в этом их сестра.

Как задумали, так и сделали.

Братья вернулись с охоты с богатой добычей и гостинцами для сестры. Жёны вышли им навстречу, плачут в голос, жалуются мужьям, что, мол, те так любят сестру, подарки всякие ей дарят, а она никого не любит, только и помышляет, чтобы зло какое-нибудь им сделать, и в их отсутствие уморила лучшего вороного жеребца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.